

Лидия Соколова

ПРОЗАИЧЕСКОЕ «СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»
И ПОЭТИЧЕСКАЯ «ЗАДОНЩИНА»:
ИСТОРИЯ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Взаимоотношения памятников Куликовского цикла — сложная и до сих пор не решенная проблема. Особенно трудная задача — выяснить взаимоотношение «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины». Проблема усугубляется тем, что известные нам тексты не являются авторскими, а представляют собой позднейшие редакции. В «Сказании» и «Задонщине» отдельные фрагменты текстуально близки друг другу, и в некоторых случаях неясно, в каком из произведений общий фрагмент первичен.

Специальные текстологические работы этому вопросу посвятили Л. А. Дмитриев, проанализировавший вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» по всем редакциям и вариантам памятника¹, и Н. С. Демкова, исследовавшая вставки из «Задонщины» в Распространенной редакции «Сказания»². Оба исследователя считали «Задонщину» одним из источников «Сказания». По их мнению, к «Задонщине» обращались как автор «Сказания», так и последующие редакторы этого произведения. Мнения о первичности «Задонщины» по отношению к «Сказанию» до сих пор придерживаются по традиции все исследователи Куликовского цикла³. По всей вероятности, эта точка зрения сложилась и надолго стала непререкаемой, во-первых, из-за представления о том, что эмоциональность «Задонщины» свидетельствует о ее создании вскоре после Куликовской битвы, еще в XIV в., а во-вторых, из-за наличия в «Сказании» вставок из «Задонщины».

Однако сопоставительный анализ «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины» привел меня к противоположному выводу относительно взаимоотношения этих произведений, а именно: «Сказание» создано ранее «Задонщины».

Прежде всего, рассмотрев вслед за Л. А. Дмитриевым 11 вставок из «Задонщины», которые он возводит к авторскому тексту «Сказания», я пришла к выводу, что

¹ Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.: Л., 1966. С. 385–439.

² Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 440–476.

³ Так, С. Н. Травников и Л. А. Ольшевская пишут: «Среди источников “Сказания” находится и “Задонщина”» (Травников С. Н., Ольшевская Л. А. История древнерусской литературы: Учебник для академического бакалавриата. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Юрайт, 2016. С. 167–169).

они внесены не автором, а последующим редактором⁴. Позднейшие вставки в авторский текст «Сказания» выдают себя тем, что, вклиниваясь в авторский текст, лишают его последовательности и логичности. Следовательно, вставки из «Задонщины» в «Сказание» не могут служить доказательством более раннего возникновения «Задонщины», а значит, нужно заново рассматривать вопрос о взаимоотношении памятников.

К выводу о том, что «Сказание» создано ранее «Задонщины», приводят прежде всего наблюдения над общими сюжетными эпизодами двух памятников⁵.

I. Автор *поэтического* произведения — «Задонщины» — лишь намекает на факты, хорошо известные читателям по подробному изложению их в *повествовательном* произведении — «Сказании о Мамаевом побоище». Так, в «Сказании» подробно описывается история засадного полка, решившего исход сражения. В Пространной редакции «Задонщины» этот эпизод открывает вторую, «победную» часть произведения. Он начинается фразой: «Того день святая Богородица исѣкоша христьяне поганьи полкы на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ». А далее следует фраза, которая должна *напомнить* читателю о появлении засадного полка: «И нукнув князь Владимиръ, гораздо скакаше по рати поганым, златым шеломом посвѣчиваше. Гремят мечи булатныя о шеломы хыновские»⁶. Без текста «Сказания» невозможно понять, что речь здесь идет о выезде на поле боя засадного полка в решающий момент сражения. Трудно согласиться с противоположным мнением, будто «этот довольно расплывчатый намек древнего рассказа о Куликовской битве (т. е. «Задонщины». — Л. С.) расшифровывается благодаря источнику более позднему — “Сказанию о Мамаевом побоище”»⁷. Вывод о первичности текста «Сказания» будет в данном случае еще более убедительным, если учесть, что эпизод с засадным полком, отсутствующий в летописных произведениях Куликовского цикла, был навеян автору «Сказания» «Сербской Александрией». То, что автор «Сказания» использовал текст «Сербской Александрии», убедительно показал А. Е. Петров⁸.

II. Второй аргумент в пользу первичности «Сказания» по отношению к «Задонщине» связан с сюжетным эпизодом, повествующим о прибытии к Дмитрию Ивановичу Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. В «Задонщине» автор воздает должное братьям фразой: «Тѣ бо суть сынове храбрии, кречати в ратномъ времени, ведоми полковидцы, под трубами и под шеломы возлелияны в Литовьской земли»⁹. А далее

⁴ Соколова Л. В. Содержал ли авторский текст «Сказания о Мамаевом побоище» вставки из «Задонщины»? (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 101–121.

⁵ Подробнее см. об этом: Соколова Л. В. К вопросу о датировке и авторстве «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб., 2020. Т. 67. С. 663–668.

⁶ Цит. по списку ГИМ, собр. Музейское, № 2060 (далее — И-1). См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л.: Наука, 1966. С. 544.

⁷ Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 19. Это же мнение высказал другой исследователь, см.: Скрынников Р. Г. Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 67.

⁸ Петров А. Е. «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20). С. 54–64.

⁹ Цит. по списку И-1. См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 542.

приводит диалог Ольгердовичей, решающих выступить «за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича».

В «Сказании» этот эпизод изложен гораздо подробнее и с известным знанием обстановки, окружавшей Ольгердовичей в Литве. Более того, эпизод присоединения Ольгердовичей к войску Дмитрия Ивановича тесно связан в «Сказании» с другими эпизодами, где они появляются, выстроена посвященная им сюжетная линия. Здесь наблюдается тенденция к особому прославлению Ольгердовичей: их присоединению к войску Дмитрия Ивановича придается невероятно большое значение, именно они советуют великому князю переправиться через Дон, после битвы Дмитрий Иванович провожает их восвояси. Это повышенное внимание к Ольгердовичам находит объяснение в особой трактовке событий автором «Сказания», в возвычении роли Владимира Андреевича, шуринами которого были Ольгердовичи. Автор же поэтической «Задонщины», основываясь на тексте «Сказания» и предполагая знакомство с ним читателей, лишь упомянул об участии Ольгердовичей в походе Дмитрия Ивановича на Мамай. Безусловный приоритет «Сказания» в данном эпизоде был очевиден А. А. Шахматову¹⁰, но он при этом возводил оба памятника к предполагаемому им «Слову о Мамаевом побоище».

III. Третий аргумент в пользу первичности «Сказания» по отношению к «Задонщине» связан с эпизодом, посвященным Пересвету и Ослябе, где упоминается также имя Иакова. В «Сказании о Мамаевом побоище» Пересвет, предчувствуя перед поединком свою гибель, произносит слова прощания: «Отци и братиа, простите мя грешнаго! Брате Андрей Ослябя, моли Бога за мя. Чаду моему Иакову мир и благословение». Как видим, Пересвет через Ослябю посылает благословение своему сыну Иакову, по всей вероятности, не участвовавшему в битве (упоминание его имени как участника «сторожи», посылаемой в поле для разведки, — явно позднейшая вставка в первоначальный текст). В «Задонщине», напротив, Ослябя обращается к Пересвету, и речь его гораздо менее обусловлена ситуацией. Смысл ее заключается в том, что Ослябя предсказывает гибель скачущему по полю (!) Пересвету: «Брате Пересвѣте, вижу на телѣ твоём раны великия, уже, брате, лѣтъти главе твоеи на траву ковыль а (в значении соединительного союза «и»). — *Л. С.*) чаду твоему Иакову лѣжати на зелѣнѣ ковылѣ траве на полѣ Куликове, на речке Напряде...»¹¹. Переписчики «Задонщины» путались в родственной связи Иакова: в одном списке он назван сыном Пересвета, в другом — Осляби; не ясна из «Задонщины» и его судьба («лежати» — или «не лежати» ему убитым на поле Куликове). Автор «Задонщины» заимствовал из «Сказания» имена Пересвета и Осляби, но не упомянул как явный анахронизм эпизод поединка Пересвета с татарским богатырем, а также о связи Пересвета и Осляби с Троицким монастырем и Сергием Радонежским. Следы того, что имена их заимствованы из «Сказания», в «Задонщине»

¹⁰ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 // Отчет о двенадцатом присуждении Императорской Академией наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910. С. 178–179.

¹¹ Цит. по списку РГБ, собр. Ундольского, № 632. См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 538.

остались: Пересвет и Ослябя названы чернецами, как в «Сказании», но при этом на Пересвете «злаченный доспех», а не схи́ма, врученная Сергием Радонежским, что, видимо, тоже показалось автору «Задонщины» странным. Нетрудно заметить, что из всей сюжетной линии, связанной в «Сказании» с Пересветом и Ослябей, автор «Задонщины» лишь упомянул об их участии в битве.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что «Сказание» было создано до «Задонщины». В таком случае текстуально близкие чтения двух памятников нельзя объяснить заимствованием из «Задонщины» уже в авторский текст «Сказания», как полагали исследователи.

Какова же была конкретная картина взаимовлияния «Сказания» и «Задонщины»? Рассмотрим это на примере текстуально близких фрагментов повествования.

1. Сообщение о пире у Микулы Васильевича.

Фраза о пире у Микулы Васильевича читается только в Пространной редакции «Задонщины» (в Краткой ее нет). Упоминание о пире присутствует также в «Сказании»: в двух вариантах Основной редакции (Ундольского и Забелинском), в Распространенной и в Киприановской редакциях.

В «Задонщине» с фразы о пире текст начинается: «Князь великий Дмитрие Иванович с своим братом с княземъ Владимиром Андрѣевичем и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. “Вѣдомо намъ, брате, у быстрого Дону царь Мамаи пришел на Рускую землю, а идет к намъ в Залѣскую землю”»¹².

В «Сказании» фраза о пире читается в середине текста, после получения великим князем известий о приходе Мамаи и о намерении присоединиться к нему Ольгерда Литовского и Олега Рязанского: «Князь же великий Дмитрие Иванович говорит у Микулы у Васильевича на пиру з братом с своим, съ княземъ Володимиром Андрѣевичемъ, со всеми рускими князми и воеводами, здумаша, яко и сторожу уготовати тверду в поли».

О. В. Творогов отмечал вторичность фразы о пире в «Задонщине»¹³, а Н. С. Демкова указывала на признаки ее вторичности в «Сказании»¹⁴. Действительно, фраза о пире выглядит неорганично и в том, и в другом памятнике. В каком же из произведений она появилась впервые?

Исходя из представления о первичности «Задонщины», предполагались следующие варианты заимствования: из «Задонщины» — в авторский текст «Сказания» или в одну из последующих редакций «Сказания», либо: из «Сказания» (авторского текста или последующей редакции) — в «Задонщину» поздней редакции.

¹² Цит. по списку РГБ, собр. Ундольского, № 632. См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 535.

¹³ Творогов О. В. О композиции вступления к «Задонщине» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 526–527.

¹⁴ См.: Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». С. 455–457. Фраза о пире, по словам Н. С. Демковой, «ощущается как нечто чужеродное» в «Сказании»: «неясно, о чем “говорит” великий князь (имеющийся в “Задонщине” текст его речи здесь утерян), фраза отрывочна и содержит едва ли не единственное в “Сказании” употребление в повествовании глагола в настоящем времени» (Там же. С. 457).

По моему мнению, фраза о пире первоначально появилась в «Задонщине», но не в авторском тексте, — она внесена составителем Пространной редакции. Ему, видимо, было непонятно начало пролога в «Задонщине»: кто и к кому обращается со словами «Поидем, брате, в полунощную страну жребия Афетова...», и он решил пояснить это. По аналогии с былинным зачином, где действие нередко начинается на пиру у князя¹⁵, составитель Пространной редакции внес в начало «Задонщины» фразу о пире у Микулы Васильевича, во время которого не названный по имени персонаж (имеется в виду Дмитрий Иванович), обращаясь к брату, произносит: «Въдомо намъ, брате, у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю...». Продолжением этой речи осмыслялась составителем Пространной редакции первая фраза пролога авторского текста, также содержащая обращение «брате»¹⁶: «Поидем, брате, тамо в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь преславная...». Но в результате фраза о пире оказалась отделена от непосредственного рассказа о приходе на Русь Мамай прологом, в котором автор «Задонщины», обращаясь к читателям («братиям»), объявляет цель своего произведения — противопоставить печальное прошлое Русской земли настоящему, в котором появился повод для радости и похвалы русским князьям и воинам.

Фраза о пире у Микулы Васильевича показалась интересной одному из редакторов «Сказания» — составителю протографа, общего для варианта Ундольского Основной редакции и Распространенной редакции. Она была внесена в протограф этих редакций близко к тексту «Задонщины» перед фразой о посылке «сторожи» в поле для разведки. По замыслу редактора, Дмитрий Иванович именно на пиру у Микулы Васильевича решает послать «сторожу» в поле.

Неуместность пира в сложившейся обстановке ощущали последующие редакторы «Сказания», поэтому эпизод редактировался и во II виде Распространенной редакции, и в Киприановской редакции, и в Забелинском варианте Основной редакции. В Забелинском варианте, например, рассказывается о прибытии к Дмитрию Ивановичу с тревожными известиями одного из стражей, посланных в поле на разведку, который начал свою речь на пиру такими укоряющими словами: «Ныне не подобает тебе, государю Руския земли, веселитесь и сладких медов испивати, но есть, княже, время всем молитися Богу и мыслити о всем, како снабдити земля Руская тихо и безмятежно. Идет на тебя, государь, царь Мамай со всеми силами ордынскими...». При этом составитель Забелинского варианта счел нужным пояснить, что, устраивая пир, великий князь еще «не ведаше прихода царева на себя, ни совокупления Олга резанскаго и Олгерда литовскаго ко царю»¹⁷.

¹⁵ Завязка действия происходит на пиру не только в былинах; мотив пира распространен в литературе, но здесь не место углубляться в эту тему.

¹⁶ По мнению О. В. Творогова, написание «брате» вместо «братие» в прологе «Задонщины» неоправданно, поскольку это обращение к слушателям, к которым автор обратится и дальше: «Снидемся, братия и дружи». См.: Творогов О. В. О композиции вступления к «Задонщине». С. 526.

¹⁷ Сказание о Мамаевом побоище по Забелинскому списку // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 169–170.

Итак, фраза о пире была вставлена в Пространную редакцию «Задонщины», а из нее заимствована во вторичную редакцию «Сказания о Мамаевом побоище».

2. Еще одно текстуально близкое чтение «Сказания» и «Задонщины» — воспоминание о битве на Калке и расчет лет от битвы на Калке до Мамаева побоища.

В «Задонщине» воспоминание о битве на Калке читается в прологе и составляет неотъемлемую его часть. В «Сказании о Мамаевом побоище» воспоминание о битве на Калке читается в плаче великой княгини Евдокии. В. П. Адрианова-Перетц¹⁸ и Л. А. Дмитриев¹⁹ полагали, что вставка из «Задонщины» была внесена уже в авторский текст «Сказания». Однако можно заметить, что вставка разрывает первоначальный, авторский текст «Сказания». Приведу текст плача княгини, в котором второй абзац является, по моему мнению, позднейшей вставкой.

«Господи Боже мой, Вышний Творецъ, призи на мое смирение, сподоби мя, Господи, еще видѣти моего государя, славнаго въ челоуецѣхъ великого князя Дмитриа Ивановича. Дай же ему, Господи, помощь от своеа крѣпкыя руки побѣдити противныа ему поганыа половци!

[И не сътвори, Господи, якоже преже сего за мало лѣтъ велика брань была русским князем на Калках с погаными половци съ агаряны. И нынѣ избави, Господи, от такая бѣды и спаси ихъ и помилуй! Не дай же, Господи, погыбнути оставшему христианству, да славится имя твое святое в Русьстѣй земли. От тоа бо галадцкыа (в др. списке Калкинъскыа. — Л. С.) бѣды и великого побоища татарскаго и нынѣ еще Русскаа земля уныла и не имать уже надежи ни на кого, токмо на тебя, всемилостиваго Бога, можеши бо живити и мертвити.]

Аз бо, грѣшная, имѣю нынѣ двѣи отрасли, еще млада суще, князя Василиа и князя Юриа: егда поразить ихъ ясное солнце съ юга или вѣтръ повѣеть противу запада, — обоего не могутъ еще трѣпѣти. Азь же тогда, грѣшнаа, что сътворю? Нѣ възврати имь, Господи, отца ихъ, великого князя, поздорову, ть и земля ихъ спасется, а они въ вѣкы царствуютъ»²⁰.

В авторском тексте великая княгиня после просьбы к Богу помочь великому князю победить врагов, сохранить его живым (1-й абзац), далее поясняет свою просьбу: ведь она, грешная, имеет двух сыновей, они еще слишком малы и беззащитны, сама она не сможет им помочь; если же Господь исполнит ее просьбу, возвратит отца детям, то и земля их спасется, а они «въ вѣкы царствуютъ» (3-й абзац). В эту естественную в устах великой княгини просьбу позднейший редактор «Сказания» вставил текст, созданный им на основе пролога «Задонщины», где вспоминалась битва на Калке. В уста княгини он вложил просьбу к Господу помиловать Русскую землю, отвести беду, случившуюся на Калке, и не дать погибнуть «оставшемуся христианству».

В Печатном варианте Основной редакции, в Летописной и Распространенной редакциях «Сказания» во вставке о битве на Калке читается фраза с расчетом лет от битвы на Калке до Мамаева побоища. Она также заимствована из пролога

¹⁸ Адрианова-Перетц В. П. Задонщина. Текст и примечания // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 207–208.

¹⁹ Дмитриев Л. А. Вставка из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по историческому тексту этих произведений. С. 401.

²⁰ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 33.

«Задонщины»²¹, где является позднейшей вставкой²². По всей вероятности, эта фраза была заимствована в «Сказание» одновременно с воспоминанием о битве на Калке. В вариантах «О» и Михайловского Основной редакции расчет лет от одной битвы до другой, странный в плаче княгини, был опущен, а в вариантах Ундольского и Забелинском Основной редакции заменен сообщением о количестве погибших в сражении на Калке.

3. Рассмотрим третий случай текстуально близких чтений в «Сказании» и «Задонщине» — **фрагмент «стояние на костях»**, рассказывающий о событиях, происходивших после завершения Куликовской битвы.

Эпизод «стояние на костях» состоит в «Задонщине» из описания поля боя после битвы, расчета убитых князей и воевод по княжествам и двух речей Дмитрия Ивановича, одна из которых обращена к погибшим воинам, а вторая — к князю Владимиру Андреевичу с призывом возвращаться в свою Залесскую землю.

И стал великий князь Дмитрии Ивановичь
съ своим братом с князем Владимиром Андрѣевичем
и с своими²³ воеводами на костѣхъ
на полѣ Куликовѣ на речкѣ Напрядѣ.
Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотри²⁴:
лѣжат трупы крестьяньские, [аки сѣнныи стоги²⁵,]
а Дон река три дни кровию текла.

И рече князь великий Дмитрии Ивановичь: «Считаетесь, братия, колько у нас воевод нѣт и колько молодых людей нет». Тогда говорит стоя Михаилу Александровичь московский боярин князю Дмитрѣю Ивановичю: «Государь князь великий Дмитрѣи Ивановичь, нету, государь, у нас 40 бояринов московских, 12 князей бѣлозѣрских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр серпуховскихъ, 30 панов литовскихъ,

²¹ В конце пролога «Задонщины» читается фраза с расчетом лет от битвы на Калке до Мамаева побоища: «А от Калатьские рати до Мамаева побоища 170 лѣт» (список Ундольского, л. 172 об.). В списках Историческом-1 и Синодальном число лет иное — 160.

²² Внесенная фраза разрывает связанное повествование о Дмитрии Ивановиче и Владимире Андреевиче, вторая часть которого поясняет первую и присоединяется к ней союзом «ибо» («Се бо...»). Приведу этот фрагмент в своей реконструкции по списку Ундольского с ритмической разбивкой на строки.

Аз же помяну Софония резанца
и восхвалю пѣснями гусленными, буиными словесы
сего великаго князя Дмитрея Ивановича
и брата его князя Владимира Андреевича.

А от Калатьские рати до Мамаева побоища 170 лѣт.

Се бо князь великий Дмитрии Ивановичь
и братъ его князь Владимиръ Андрѣевичь,
помолиси Богу и пречистей его матери,
истезавше ум свои крепостью,
и поостриша сердца свои мужеством,
и наполнили ратного духа,
уставиша собѣ храбрый полькы в Руской землѣ. (У, л. 172 об.—173).

²³ Так в списке И-1, в У вторичное чтение: «и со остальными своими...».

²⁴ Так в И-1, в У далее: «иже».

²⁵ Так в И-1, в У вместо слов, заключенных в скобки, читаем: «у Дуная великого на брѣзе».

20 бояр переславских, 25 бояр костромских, 35 бояр володимеровских, 8 боярь суздаских (*так!*), 40 боярь муромских, 70 бояр рѣзаньских, 34 бояринов ростовских, 23 бояр дмитровских, 60 бояр жогаиских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр углецкихъ. А посечено от бѣзбожнаго Мамая полтретья ста тысящ и три тысечи. Слава тебѣ, Господи Боже нашъ, помиловаль насъ».

И рече князь великий Дмитрие Ивановичь:
 «Братия бояра, и князи, и дѣти боярские,
 то вам сужено мѣсто меж Доном и Непром,
 на полѣ Куликове на речке Напрядѣ.
 Положили²⁶ есте головы своя за святыя церкви,
 за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую.
 Простите мя, братия, и благословите
 в сем вѣце и в будущем».
 «И поидем, брате,
 князь Владимир Андрѣевичь,
 во свою Залескую землю,
 к славному граду Москве,
 и сядем, брате, на своем княжение.
 А чести есми, брате, добыли и славного имени.
 Богу нашему слава». (У, л. 192–193 об.).

Описание поля боя и две речи Дмитрия Ивановича, ритмически организованные, не вызывают сомнения в том, что они созданы автором «Задонщины». Что же касается «расчета убитых», то Р. О. Якобсон считал его «очевидным заимствованием из “Сказания”, своеобразным вторым окончанием»²⁷. Л. А. Дмитриев, соглашаясь с Р. О. Якобсоном в том, что расчет убитых выглядит инородным в поэтической «Задонщине», тем не менее полагал, что этот «деловой» по стилю фрагмент не является механической вставкой из «Сказания», он входил в авторский текст «Задонщины»²⁸. Л. А. Дмитриев сослался, прежде всего, на характерную черту поэтики «Задонщины», установленную Д. С. Лихачевым, — ее стилистическую неоднородность. Смешение двух стилей — «высокого поэтического и делопроизводственно-прозаического» — пронизывает, по словам Д. С. Лихачева, весь текст памятника²⁹.

Однако вряд ли авторская «Задонщина» — похвальное слово Дмитрию Ивановичу и другим русским князьям — могла заканчиваться подсчетом убитых. «Задонщина» — героическая поэма, а не воинское повествование, где подсчет убитых по княжествам был бы понятен и оправдан. Следует иметь в виду и то, что основная идея «Задонщины» — идея реванша, возмездия, и в связи с этим гиперболический подсчет убитых русских воинов тоже представляется неуместным в авторском тексте. Судя по всему, подсчет убитых воевод — это позднейшая «делопроизводственная»

²⁶ Так в И-1, в У «И положили».

²⁷ Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field. Edited by R. Jakobson and D. S. Worth. The Hague, 1963. P. 16.

²⁸ Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. С. 423–427.

²⁹ Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины» // Русская литература. 1964. № 3. С. 87.

вставка составителя Пространной редакции «Задонщины», который вносил и другие дополнения такого рода в первоначальный текст.

Л. А. Дмитриев считал, что фрагмент «стояние на костях» был заимствован из авторского текста «Задонщины» в авторский же текст «Сказания о Мамаевом побоище». Ему возразила Н. С. Демкова. Она привела убедительный довод в пользу того, что фрагмент «Задонщины» «стояние на костях» был заимствован в «Сказание о Мамаевом побоище» не автором, а одним из позднейших редакторов. Анализируя текст Распространенной редакции «Сказания», исследовательница пришла к выводу, что заимствование из «Задонщины» в «Сказание» происходило дважды: в собственно авторском тексте, когда на материале «Задонщины» автором «Сказания» была создана сцена объезда великим князем поля боя, и второй раз, когда к этой сцене был добавлен фрагмент «Задонщины» как самостоятельный эпизод повествования (вид поля боя, расчет убитых, две речи Дмитрия Ивановича). Утверждая это, исследовательница указала на повторяемость поступков и речей великого князя в рассказе «Сказания» о том, что происходило на Куликовом поле после битвы³⁰.

Это наблюдение Н. С. Демковой не оставляет сомнений в том, что фрагмент «Задонщины» «стояние на костях» был полностью заимствован в «Сказание». Но трудно согласиться с тем, что к «Задонщине» автор «Сказания» обращался дважды: в собственно авторском тексте, создав на материале «Задонщины» сцену объезда великим князем поля боя, и второй раз, внося текст «Задонщины» уже как самостоятельный эпизод повествования. По моему мнению, автор «Задонщины» создал свое произведение, основываясь на тексте «Сказания», в том числе на основе «Сказания» он составил описание поля боя и речь Дмитрия Ивановича, обращенную к погибшим воинам. От себя автор «Задонщины» добавил обращение великого князя к Владимиру Андреевичу с призывом возвращаться в Москву. Составитель Пространной редакции «Задонщины» внес в авторский текст подсчет убитых князей и воевод. И затем весь фрагмент «стояние на костях» был заимствован из Пространной редакции «Задонщины» в «Сказание» одним из редакторов этого памятника на раннем этапе его литературной истории.

Итак, сопоставление текстуально близких чтений двух памятников подтверждает мнение о первичности «Сказания» по отношению к «Задонщине». Сравнительный текстологический анализ позволяет также отбросить гипотезу о том, что «Сказание» дважды подвергалось влиянию «Задонщины»: в первый раз при написании текста, а затем при его редактировании. Анализ текстуально близких чтений «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины» показал, что на самом деле имело место сложное взаимовлияние памятников: первоначально «Задонщина» была составлена на основе «Сказания», а позже редакторы «Сказания» привнесли в его текст несколько заимствований из «Задонщины», как в общий протограф нескольких редакций, так и в отдельные редакции и варианты.

³⁰ Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». С. 457–461.